

Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России¹⁹

(А. Роткирх, А. Темкина)

В данной статье анализируются изменения гендерного порядка и гендерных контрактов российского общества. Описан советский гендерный порядок как совокупность трех контрактов: официального (легитимного) контракта «работающая мать», повседневного (теневого) и нелегитимного. Формирование постсоветских гендерных контрактов «работающая мать», «профессиональная женщина», «домохозяйка-кормилица» и «спонсорский контракт» рассматриваются как реконфигурация контрактов, составлявших основу советского гендерного порядка. В статье используются интервью, проведенные в рамках различных исследований в середине 1990-х годов, основным объектом которых являлся городской образованный средний класс.

Гендерный контракт: определение понятия

Понятие «гендерный контракт» разрабатывали в 1990-е годы скандинавские феминистские исследователи для описания доминантных типов отношений между полами и их динамики. С точки зрения финского социолога Л. Ранталайхо контракт — это правила взаимодействия, права и обязанности,

---

¹⁹ Ранняя версия этого текста опубликована на английском языке в журнале «Idäntutkimus» (1997. № 4. С. 6–24). На русском языке сокращенная версия опубликована в «Социологических исследованиях» (2002. № 11. С. 4–15). Более полная версия напечатана в книге «Гендер. Культура. Общество» (под ред. И. Новиковой. Рига: Проект «Женщины Балтии». 2003. С. 58–97).

определяющие разделение труда по признаку пола в сферах производства и воспроизводства, а также взаимно ответственные отношения между женщинами и мужчинами, в том числе принадлежащими к разным поколениям (Rantalaiho 1994: 14). Под воспроизводством исследователи понимают действия и оценки, поведение и чувства, обязанности и отношения, связанные с постоянным повседневным поддержанием жизни (Laslett, Brenner 1989: 382). Воспроизводство рассматривается как социально стратифицированное; оно создает и поддерживает иерархические отношения между социальными слоями, полами, поколениями.

Гендерный контракт включает институциональное обеспечение, практики и символические репрезентации гендерных отношений, ролей и идентичностей в конкретных культурно-исторических контекстах, а также социальную регуляцию и репрезентацию сексуальности. В современном обществе гендерные контракты зависят от разделения труда в публичной и приватной сферах. В соответствии с гендерным контрактом определяется, в частности, кто и за счет каких ресурсов осуществляет организацию домашнего хозяйства и уход за детьми в семье и за ее пределами. Эту организацию могут осуществлять: неработающая мать, поддерживаемая мужем; наемные работники, оплачиваемые обоими супругами; родственники; государство через систему бесплатных детских учреждений и т. д. Английская исследовательница Р. Кромптон описывает гендерное разделение труда в континууме традиционных/менее традиционных гендерных отношений. Под разделением труда понимается соотношение оплачиваемой работы и заботы (caring work), т. е. деятельности в сфере воспроизводства. Автор представляет пять моделей гендерного разделения труда:

1. Мужчина-добытчик, женщина-домохозяйка.
2. Двухкарьерная семья: женщина работает неполный день + неполный день осуществляет заботу и обслуживание домохозяйства.
3. Государство берет на себя функцию заботы.
4. Забота и обслуживание в домохозяйстве осуществляются через рыночные механизмы.
5. И мужчина и женщина принимают равное участие в обслуживании и заботе.

Первая модель представляет нормативные условия женской субординации, характерные для традиционной гендерной культуры. Вторая модель описывает ситуацию, при которой женщина совмещает частичную занятость в публичной сфере с традиционной ответственностью в приватной сфере. Когда женщина включается в полную занятость на рынке труда (третья и четвертая модели), происходят существенные изменения в гендерном порядке: обслуживание и забота осуществляются либо государством, либо через рыночные механизмы. Наименее традиционной является модель, при которой женщина и мужчина принимают равное участие в оплачиваемой и домашней работе (Crompton 1999). Сходные модели описаны также немецкой исследовательницей Б. Пфау-Эффингер (2000).

Изменения гендерных отношений 1960-х годов в США и Западной Европе трактуется исследователями как трансформация доминирующих контрактов. Например, в Швеции наблюдается переход от контракта «домашняя хозяйка (и мужчина-кормилец)» 1950-х годов к контракту «равенство полов (два кормильца)» при усилении роли государства в конце 1960-х годов (Hirdman 1991); в Финляндии имеет место переход от контракта «социальное материнство женщин» («women's social maternity»), в соответствии с которым от женщины ожидалось выполнение в первую очередь традиционных ролей в приватной сфере и за ее пределами, к контракту «материнство, совмещенное с оплачиваемой работой» («wage working maternity») (Rantalaiho 1994: 13; см. также: Leira 2002). В США и Великобритании в 1970-е годы получила распространение модель «двухкарьерная семья/рыночные механизмы воспроизводства», которая также способствовала уменьшению гендерного неравенства (Crompton 1999).

Изменения гендерных контрактов были обусловлены трансформациями, произошедшими в обществе позднего модерна. Становление государства благосостояния и общества массового потребления, развитие женского движения и дебаты в политических партиях на Западе проблематизировали вопросы сексуальности, пола, возраста и традиционный гендерный порядок в целом, а затем повлияли на его радикальное изменение (Lennerhed 1994). В 1950-е годы увеличилось число женщин, занятых в сфере оплачиваемого труда, усилилась социальная политика; в 1960-е годы гендерные роли стали предметом об-

щественных дебатов. В 1970-х годах были изменены налоговые системы и законодательство, касающееся ответственности за детей, создавались детские учреждения и дома для престарелых, модернизировалось домохозяйство, развивалась система питания за пределами дома и т. д. Новая интерпретация гендерных ролей в рамках контракта «равенство» в Скандинавии была закреплена политикой *государственного феминизма*, т. е. политикой равенства в отношении женщин, которая осуществлялась государством, постоянно кооптирующим женщин и женские вопросы в политику (Gelb 1989).

В конкретных исторических контекстах сосуществуют разные гендерные контракты, совокупность которых образует *гендерную систему*. Под гендерной системой понимается многоуровневый феномен, включающий институты и социальные взаимодействия, которые предписывают мужчинам и женщинам образцы поведения. Согласно определению К. Рензетти и Д. Курран, гендерная система представляет собой институционализированные предписания, определяющие модели поведения и социального взаимодействия в соответствии с полом. Она включает три взаимосвязанных компонента: социальную конструкцию гендерных категорий на основе биологического пола; половое разделение труда, в соответствии с которым мужчинам и женщинам предписываются разные роли; социальную регуляцию сексуальности, позитивно оценивающую одни формы сексуального поведения и негативно — другие (Renzetti, Curran 1992: 2, 16). Шведская исследовательница И. Хирдман определяет гендерную систему как совокупность *гендерных контрактов*, регулирующих отношения между мужчинами и женщинами на уровне представлений, а также формальных и неформальных правил и норм (Hirdman 1991: 190–191).

Гендерные контракты в России: аналитическая модель

Итак, гендерный контракт — это контекстуально обусловленные, иерархически структурированные образцы взаимодействия полов. Используя данный концепт, мы собираемся очертить контуры модели, которая поможет прояснить общую направленность изменений, произошедших в отношениях между полами в России. Гендерный порядок мы рассматриваем как

совокупность гендерных контрактов, предписывающих различные гендерные роли и статусы разным сферам общественной жизни в советское время и разным социальным слоям в постсоветский период. Для построения аналитической модели необходимо обратиться к особенностям исторического контекста, в рамках которых складывалась многоуровневая конфигурация гендерных отношений с разными правилами, практиками и идеологиями в публичной и приватной сферах.

Советский гендерный порядок характеризовался монопольной ролью партии-государства в его формировании, устойчивостью и гомогенностью гендерной идеологии и гендерных ролей, постоянно воспроизводимым разрывом между официальной идеологией и практиками повседневности. Государство выступало основным агентом формирования гендерных отношений на протяжении всего советского периода, что позволяет назвать гендерный порядок *этакратическим* (Здравомыслова, Темкина 2003). Идеология, институты и практики советского гендерного порядка и основной гендерный контракт, который мы назвали контрактом «работающая мать»²⁰, сложились в 1930-е годы (см., например: Айвазова 1998; Здравомыслова, Темкина 2003; Lapidus 1977, 1978; Liljeström 1993, 1995). Постреволюционные попытки решения женского вопроса путем вовлечения женщин в общественное производство, переопределения роли домашнего хозяйства, трансформации институтов брака и материнства привели к разрушению традиционной патриархатной семьи. Советские женщины были *эмансипированы для подчинения государству* (Liljeström 1995), мобилизованы государством как работницы и матери (Lapidus 1977, 1978), привлечены к оплачиваемой работе в общественном производстве (см. также: Ashwin 2000; Clements 1991). Кроме того, на них по-прежнему были возложены функции воспита-

---

²⁰ С момента написания нами первой версии статьи термины «гендерный контракт» и «контракт “работающая мать”» получили широкое распространение в отечественной литературе (см., например: Айвазова 1998, 2001; Здравомыслова О. 2001; Здравомыслова, Темкина 1996; Мещеркина 2002; Мхитарян 1999; Тартаковская 1997). «Работающую жену и мать» многие авторы называют основной ролью, моделью, типом советского периода (см., например: Здравомыслова, Арутюнян 1998).

ния детей и обеспечения бытовой сферы в обществе слаборазвитого сектора обслуживания. Советская женщина работала полный рабочий день, осуществляла воспитание детей, частично разделяя его с государственными институтами и родственниками (иногда и с наемными работниками), и организацию быта. Иногда такая модель называется «тройной нагрузкой» (ср.: модели гендерного разделения труда, описанные Р. Кромптон под номерами 2 и 3).

С одной стороны, в рамках советского гендерного порядка декларировалось равенство, при котором каждый человек независимо от пола становится советским гражданином. С другой стороны, гендерная идеология воспроизводила биологический детерминизм, который наделял женственность «специфическими» естественными, физическими и психологическими свойствами (Liljeström 1995), а женщин — статусом особых граждан. Гендерный порядок такого типа А. Роткирх назвала *конвенциональным*, подчеркивая сохранение одних традиций (ценность материнства, разделение обязанностей внутри семьи) и разрушение других (экономическая зависимость женщины от мужа) (Rotkirch 2000: 130–133). Итак, государство поддерживало особую роль женщины, задавая рамки доминирующего гендерного контракта²¹.

Основные свойства гендерного порядка и доминирование контракта «работающая мать» сохранялись на протяжении всего советского времени. В отличие от западных стран в Советском государстве политика и официальная идеология имели гораздо более устойчивый характер. Государство деклари-

---

²¹ При описании контрактов мы обращаемся преимущественно к статусу женщин и лишь в незначительной степени — к статусу мужчин и интерпретациям мужественности. Причина этого заключается в том, что гендерный контракт описывает правила, которые регулируют роли женщин, касающиеся в первую очередь воспроизводства, исключая (или включая) их из публичной сферы и возлагая на них ответственность в приватной сфере. Советская гендерная политика была направлена именно на женщин как на особую категорию граждан; гораздо реже в качестве особой категории рассматривались мужчины. Официальный гендерный контракт оформлял в основном отношения между государством и работающей женщиной-матерью; мужчины были вытеснены на периферию семейной политики (Kukhterin 2000).

ровало равенство полов и осуществляло социальную поддержку работающей женщины-матери, предпринимая с 1930-х годов меры по укреплению семьи и идеологическому усилению «традиционной» женственности (Attwood 1985; Liljeström 1995). Однако, несмотря на неизменность основных принципов гендерной политики, гендерная идеология на разных этапах социалистического общества менялась. В 1960—1970-е годы ограниченная либерализация общества и приватизация частной жизни постепенно приводили к ослаблению официальной гендерной идеологии и появлению альтернативных дискурсов (Здравомыслова, Темкина 2003).

Еще одной особенностью советского гендерного порядка является постоянное воспроизводство разрыва между официальной идеологией и практиками повседневности (ср.: Левада 1993). На протяжении всего советского времени существовали гендерные роли и практики, не совпадающие с официальными предписаниями, однако начиная с 1970-х годов разрыв повседневности и идеологии приобрел систематический и повсеместный характер. Различия между официально декларируемыми половыми ролями и повседневными практиками существуют во всех обществах (Mooge 1994: 25), в любом обществе также присутствуют морально осуждаемые и юридически наказуемые типы отношений между полами. Однако в социалистическом обществе официальная идеология и повседневность предполагали не только разные, но и противоположные правила, а также запрет на их обсуждение. В описании советского гендерного порядка для нас представляются значимыми различия официальных и повседневных (неформальных, теневых) правил гендерных взаимодействий.

Советский гендерный порядок может быть проанализирован как совокупность трех взаимосвязанных гендерных контрактов, а именно: *официального (легитимного), повседневного (теневого) и нелегитимного (криминального)*. Официальный контракт поддерживался государственной политикой, идеологией и социальными институтами, обеспечивающими совмещение ролей работающей матери. Контракт в повседневной сфере жизни находился за пределами государственного регулирования и выполнял функцию приспособления к структурным напряжениям приватной сферы; на женщину возлагалась ответственность за воспитание детей, уход за пожилыми людьми.

ми, бытовое обслуживание семьи, компенсирующее недостатки социального сервиса и дефицита. Правила повседневного контракта складывались как непреднамеренные последствия официального контракта — например, распространение практик одинокого и внебрачного материнства. Некоторые практики не регулировались официальной политикой — например, добрая сексуальность совершеннолетних. Одновременно в обществе существовал нелегитимный контракт, правила которого имеют альтернативный характер и к которому применяются санкции вплоть до уголовного наказания²².

Изменения постсоветского общества с конца 1980-х годов повлекли за собой и трансформацию гендерных отношений. В постсоветском гендерном порядке государство утрачивает роль монопольного агента, формирующего гендерный контракт, частично разрушается система социальной и идеологической поддержки материнства. Рыночные механизмы и либеральная общественная сфера способствуют дифференциации гендерных норм и практик в разных социальных слоях, формированию новых, в том числе противоречащих друг другу, гендерных идеологий и интерпретаций женственности и мужественности. Реконфигурация официальных, повседневных и нелегитимных правил советского времени приводит к формированию новых гендерных контрактов с разными правилами, практиками и идеологиями.

---

²² Выделяя данные контракты, мы первоначально исходили из некоторых положений, сформулированных в дебате о втором (теневом) обществе, дополняющем официальное общество и/или противостоящем ему, и опирались на схему, предложенную венгерским исследователем Э. Ханкишем (Hankiss 1988, 1990; см. также: Шанин 1999). Второе общество в сфере экономики, политики и культуры возникло в период ограниченной советской либерализации и включало совокупность стратегий поведения в рамках жестко ограниченных структурных возможностей (Lapidus 1978: 127–130). В настоящих рассуждениях мы учитываем также дебаты о публичной и приватной сферах в позднесоциалистическом обществе и выделение особой, опосредующей социальные взаимодействия, квазипубличной сферы, а также анализ разнообразных стратегий приспособления—выживания—сопротивления в повседневности сталинского периода (Филпатрик 2001а, 2001б).

Оценки трансформаций гендерных отношений, которые дают современные исследователи, различны. Некоторые феминистские авторы использовали термин «патриархатный ренессанс», обозначая, что в современной России мужчины занимают доминирующие позиции в общественной жизни, а женщины «выталкиваются» в сферу частного (см.: Attwood 1996). На 2-м Независимом женском форуме в Дубне (1992) А. Посадская определила происходящую демократизацию как «мужской проект», в котором женщине отводится роль объекта социальных реформ (Посадская 1993). В статье 1993 года английская исследовательница П. Уотсон суммировала такие взгляды следующим образом: «Создание гражданского общества и рыночной экономики в Восточной Европе влечет за собой построение “мира мужчин” и доминирование мужественности в общественной жизни. Принуждение женщин вернуться к домашней жизни, коммерциализация женственности, принижение женской идентичности — неизбежные составляющие данного процесса» (Watson 1993: 472). Во многих публикациях появились клише: «вытеснение женщин из производства», «женское лицо безработицы», «возвращение женщин в семью» (см.: Здравомыслова, Арутюнян 1998: 136).

Во второй половине 1990-х годов высказывания авторов относительно направленности трансформаций гендерного порядка стали более осторожными (см., например: Buckley 1997; Holmgren 1995; Pilkington 1996; Rotkirch 2000); в своих работах они делают акцент на противоречивость эгалитарных и патриархатных тенденций (см., например: Здравомыслова, Арутюнян 1998; Либоракина 1996; Малышева 2001; Kiblitckaya 2000, и др.). Традиционные представления о женской роли в семье и обществе оцениваются не столько как *патриархатный синдром*, сколько как стратегии «совладания с ситуацией» (Здравомыслова О. 2001: 480). Гендерная идентичность рассматривается как один из новых вариантов идентичностей, создаваемых и востребованных либеральным обществом (Watson 1997). В период трансформаций происходит реконфигурация существующих официальных, повседневных и альтернативных правил, сложившихся в рамках этатриархического гендерного порядка. Наблюдается процесс дифференциации гендерных контрактов по социальным стратам, этническим, возрастным, поколенческим и другим группам. Формируются новые кон-

тракты: «работающая мать», «женщина, ориентированная на карьеру», «домохозяйка (и мужчина-кормилец)» и «спонсорский контракт». Несмотря на структурные изменения и возникновение новых практик, правила и нормы, восходящие к советским гендерным контрактам, сохраняют свою устойчивость (что подтверждается, в частности, статистикой занятости: Женщины и мужчины... 1999, 2004).

Итак, мы представляем гендерный порядок как совокупность гендерных контрактов. Для анализа этих контрактов мы используем рассказы о повседневной жизни. Наши информанты — городские образованные женщины и мужчины среднего возраста, принадлежащие к среднему или высшему среднему классу²³. Мы не можем учесть здесь экономические, образовательные, возрастные и этнические различия, которые необходимы для более полного описания российской гендерной системы. Однако мы предполагаем, что основной контракт позднесоветского времени в силу гомогенности государственной политики распространялся на все население России²⁴, а в постсоветское время именно контракты благополучного среднего класса претендуют на практическое и/или символическое доминирование. Несмотря на возрастающую социальную и идеологическую стратификацию, именно образованные женщины (и мужчины)²⁵ среднего и высшего среднего класса, представителями которых являются наши информанты, выступают в качестве основных агентов, создающих новую доминирующую гендерную идеологию в обществе.

---

²³ Цитаты в данной статье взяты из интервью, которые были получены во время наших исследований, посвященных политическому участию женщин, новым профессиям, сексуальности, а также из трех интервью, которые были взяты в ходе написания данной статьи.

²⁴ Как показали исследования А. Темкиной, в Таджикистане гомогенизирующий эффект гендерной политики был ограничен, в позднесоветское время там доминировал контракт «многодетная мать в патриархальной семье с частично оплачиваемой занятостью» (Темкина 2005; см. также: Касьмова 2004).

²⁵ В постсоветский период мужчины в некоторых случаях становятся значимыми агентами контракта, в первую очередь в отношениях контракта «домохозяйка и кормилец», а также в «спонсорском контракте».

Модели советских гендерных контрактов

Гендерный порядок в Советской России может быть представлен как совокупность трех различных контрактов, дополняющих друг друга; официальный контракт «работающая мать» сосуществовал совместно с повседневным и нелегитимным контрактами²⁶. Рассмотрим модели этих контрактов, обращая внимание на те компоненты, которые оказались впоследствии релевантны трансформации гендерной системы в постсоветской России.

Официальный гендерный контракт «работающая мать»

Под официальным контрактом мы подразумеваем правила, которые задаются государственной политикой, идеологией, законодательством, социальными институтами и наделяются официальным статусом. Данный контракт включает мобилизованный государством труд женщин и материнства как гражданские обязанности. Его историческая конструкция и воспроизводство проанализированы во многих работах (Айвазова 1998, 2001; Здравомыслова, Темкина, 2003; Lapidus 1977, 1978; Liljeström 1995, и др.). В них показано, что официальный контракт имел внутренние противоречия и напряжения, однако гендерная и семейная политика, формирующая данный контракт, в целом распространялась на подавляющее большинство советских граждан(ок).

В соответствии с правилами и нормами советского общества от женщин ожидалось сочетание производственной деятельности с материнством и заботой о семье. Одна из наших информанток говорит: «Женщина должна приносить зарплату больше, чем муж, все в доме делать вплоть до ремонта, детей родить, воспитать между своей активной общественной деятельностью и потом еще — мужу рубашки, брюки гладить» (около 50 лет, высшее гуманитарное образование, менеджер в

---

²⁶ И. Тартаковская рассмотрела данную схему контрактов применительно к мужчинам. Официальный контракт «мужчина-воин» сосуществовал с теневым (например, уклонением от армии) и нелегитимным («шикарные мужчины с деньгами неясного происхождения») контрактами (Тартаковская 1997: 59–61).

финансовой сфере, двое детей). Материнство воспринимается как *гражданская обязанность*: «Воспитание детей — это очень большая работа для общества... это звучит громко, но в какой-то степени я это воспринимала как свой гражданский долг» (около 60 лет, преподаватель, мать четверых детей).

Модель семьи была конституирована государством, которое регулировало жизненные условия, миграцию и профессиональную мобильность, а также несло ответственность за социальное обеспечение и поддержку материнства. Контракт «работающая мать» был основан на государственной помощи в воспитании детей: предоставлении декретных и послеродовых отпусков, отпусков по уходу за ребенком, льгот работающим матерям, бесплатном здравоохранении и системе детских учреждений (яслей и детских садов). «Ребенок был самостоятельный, я его приучила; помощи — бабушек никаких нет, родственников тоже; ясли, детский сад, школа, музыкальная — все расписано по минутам» (главный врач, около 50 лет, один ребенок). «У нас очень хороший детский сад, я постепенно возраст понижала: первую дочку отдала где-то в четыре с половиной года, следующую — в четыре, сына — в три с половиной» (около 60 лет, преподаватель, мать четверых детей).

Официальный контракт не был монолитным, даже несмотря на то что абсолютное большинство женщин было ориентировано на материнство и занятия профессиональной деятельностью согласно закону и экономической необходимости. При этом женщины, состоящие в браке и имеющие детей, в отличие от мужчин имели легальное право не работать. В некоторых социальных слоях профессиональная занятость женщин была скорее исключением, чем правилом, — в частности, в номенклатурных семьях и в семьях военнослужащих (о стратификационных гендерных различиях см.: Чуйкина 2002). Женщина-домохозяйка в России воспринималась как особая социальная категория²⁷. Таким образом, в рамках официального контракта допускалось традиционное женское поведение, поддерживаемое идеологией женского предназначения. Вмес-

²⁷ Об истории номенклатурной семьи см., например: Семенова 1996: 9–12. Очерки о подобных семейных моделях можно найти во многих наших интервью.

те с тем советской нормой считалась женская занятость в общественной сфере.

Информантка 35-ти лет говорит: «Когда мне было 25 лет, то вот у нашего приятеля жена не работала, совершенно здоровая, и сидела дома с детьми, и мы все про нее думали, что она сумасшедшая: как это — не работает? ...Наша женщина не рождена домохозяйкой, это очень тяжело... работать гораздо легче» (домохозяйка, инженер по образованию). В рамках контракта «работающая мать» натурализация женских ролей сводилась к материнскому предназначению; сексуальность и телесность оставались за пределами официальной политики и репрезентации, за исключением запретов и обвинений (см. нелегитимный контракт)²⁸. Женщины рассказывают о репродуктивных практиках: беременностях, абортах, родах. Бездетная женщина считает: «Я не выполнила, я считаю, главного предназначения женщины — не родила ребенка» (57 лет, высшее гуманитарное образование) (см.: Темкина 1999, 2001).

И. Кон (Кон 2005; Кон 1995) назвал политику такого рода *беспольм сексизмом*; мужчины и женщины трактовались как *одинаковые*, несмотря на явное различие формальных и неформальных правил, обеспечивающих реализацию женских и мужских ролей. Традиционные роли и гендерная индивидуализация могли восприниматься как форма самовыражения и пассивного сопротивления партийной массовой культуре (Azghikhina, Goscilo 1996: 98–100), поэтому в официальных репрезентациях они ограничивались, что будет проиллюстрировано далее при обсуждении теневого контракта.

Гендерный контракт в повседневной жизни (теневого контракта)

Повседневный гендерный контракт включает те правила, практики и нормы, которые не подлежат прямому государственному регулированию, а складываются как реакция на ригидность официальных институтов. Под повседневностью —

---

²⁸ Примечательными исключениями являлись дискуссии, предшествующие законам 1936 года о запрете проведения аборт (Liljeström 1995). Анализ позднесоветских дискурсов (медицинских, педагогических, публицистических и т. д.) о половых отношениях, ограничивающих их брачными рамками см.: Темкина 2003.

сферой реализации данного контракта — мы понимаем действия, оценки, поведение, отношения, которые постоянно поддерживаются рутинным образом и характеризуются практическим, редко артикулируемым знанием. Нас интересуют в первую очередь социальное воспроизводство и потребление, а также гендерно маркированные взаимодействия, которые опосредуют функционирование семьи (приватной/личной/частной жизни).

Этот контракт мы также назвали *теневым*²⁹. Он представляет собой промежуточный вариант между тем, что «написано на лозунгах», и тем, за что «сажают в тюрьму» (Гартаковская 1997: 55), дополняющий как официальный, так и альтернативный контракты. Данная метафора позволяет подчеркнуть неизбежное наличие *тени* у работающей матери, и имеет коннотацию с частично скрытыми, незапрещенными и неразрешенными гендерными идентичностями и нормами поведения. Они были скрыты от репрезентаций или появлялись в недоминирующих дискурсах позднесоветского времени (в кинематографе, художественной литературе).

Стабилизации данного контракта способствовали тенденции, наметившиеся в приватизации и автономизации семьи, а также возрастание роли социальных сетей в позднесоветский период. Одним из следствий государственной политики, направленной на усиление помощи семье и улучшение условий жизни, в том числе жилищных, стала ее автономизация на уровне повседневности (Здравомыслова, Темкина 2003; Liljeström 1995). В Советском Союзе к семейной сфере частично относилось то, что на Западе относилось к сфере общественной (Roos, Rotkirch 1997; Shlapentokh 1989). Семья и дружеские сети воспринимались как сфера безопасности и сопротивления, сохранения ценностей и норм, не всегда соответствующих официальным, как форма *негативного компромисса* с государством, в рамках которого *приватизируется враждебное пространство* (Олейник 2001: 236; Naukanen 2001).

---

²⁹ Идея теневых сред используется также в связи с концепцией П. Бурдьё о профессиональных полях (Roos, Rotkirch 1997). Holmgren (1995) и Liljeström (1995) обращаются к этому феномену, когда они говорят о взаимосвязи неофициальных ценностей и женственности.

В повседневной сфере социального воспроизводства от женщин ожидалось выполнение традиционных ролей заботы, обслуживания, реального и символического материнства, а также осуществление действий, компенсирующих неразвитость государственного сервиса в сфере социальных сетей (доставания и блага; см.: Ledeneva 1998). Выполнение данных ролей требовало мобилизации гендерных ресурсов, в первую очередь компенсирующих недостатки государственного обслуживания. Стратегии выживания и сопротивления усиливали традиционные гендерные роли и разделение труда между полами и поколениями; мужественность и женственность становились культурным ресурсом (Rotkirch 2000; Watson 1993: 472, 482; см. также: Фицпатрик 2001а, 2001б). В условиях ограниченного социального обслуживания «внутрисемейная специализация» помогала организовать быт: «Муж помогал много; допустим, ремонт делал, мужскую работу: сломалась розетка — он четко все сделает, лампа там какая-то... он много уделял этому внимания» (главный врач, около 50 лет, один ребенок).

Гендерный контракт, целью которого было обеспечение семьи и быта в рамках компромисса с государством, включал мобилизацию ресурсов социальных сетей, в том числе «расширенное материнство», и мобилизацию индивидуальных ресурсов в публичной и приватной сферах. В качестве агентов контракта выступали социальные сети, друзья, родственники (в первую очередь бабушки — см.: Семенова 1996; Rotkirch 2000). Использовалась и помощь наемных работников. «Поначалу даже была возможность незадорого няню иметь, и я их (детей) никогда не отдавала в ясли; пожилые женщины охотно подрабатывали к пенсии добавку; жила я рядом с работой, по магазинам бегала сама» (около 60 лет, преподаватель, мать четверых детей).

Организация домохозяйства и сетевые ресурсы усиливали традиционные гендерные идентичности. Правила повседневности предполагали и то, что женщина «приватизирует» профессиональную занятость, используя ее как ресурс решения домашних проблем. Многие женщины, работая, фактически имели фиктивные обязанности, которые позволяли им в рабочее время делать покупки и заниматься домашними делами. Нередко женщины вообще не появлялись на рабочем месте, ос-

таваясь с больными детьми дома (Тартаковская 1997). Индивидуальные усилия (в первую очередь женщин) по организации домохозяйства выступали еще одним ресурсом выживания. Приведем описание того, как функционировало домашнее хозяйство в условиях постоянного дефицита.

«Продукты покупали в обед — бегали по Л-му проспекту, там хорошие магазины, и в выходные. В шесть часов утра по субботам нужно было занять очередь на улице в мясной магазин, куда вставал отец, чтобы быть в начале к открытию магазина в семь. Иначе достанется плохое мясо. Правда, мы ходили туда, где был знакомый мясник, и он оставлял нам хорошие части. В то же время нужно было занять очередь за молоком. Туда мы вставали в семь, чтобы оказаться в магазине в восемь, пока не кончились кефир и творог. К вечеру там оставались только плавленые сырки и кильки в томате. В конце месяца что-то выкидывали в универмаге, и нужно было занять очередь и там, этим занималась моя мама. За сапогами в Пассаже стояли несколько дней, записывались... На работе к праздникам давали заказы: сгущенка, индийский чай, зеленый горошек, конфеты, греча... Коробки (с продуктами) складывали под диваном. Там же лежали заготовки с дачи. Поскольку у нас была машина, кое-что привозили из Прибалтики: трикотаж, колготы. За творогом ездили в Зеленогорск...» (65 лет, инженер, в настоящее время на пенсии).

Для организации домохозяйства в советских условиях требовались творческий, организаторский и коммуникационный опыт и компетентность. Даже покупка недефицитных товаров нуждалась в специальной организации: нужно было выбирать на рынке лучшие и наиболее дешевые продукты. Пока жена ходила по рынку, муж мог стоять, читая газету, в очереди за другими дефицитными продуктами: югославскими сапогами, польской косметикой или финским мылом. После этого жена шла к знакомой парикмахерше в удобное время, за что нужно было дополнительно платить. Умение организовать повседневную жизнь (достать продукты, обеспечить семью питанием, одеждой, устроить ребенка в детский сад и в хорошую школу, мать — к хорошему врачу, организовать прием гостей и т. д.) являлось важным подтверждением социальной компетентности женщины-хозяйки. Положение женщины делало ее ответственной, сильной и способной к управлению другими людьми.

ми, находящимися в зависимости от женской заботы. Такие качества требовались от женщин всех социальных слоев. Наша информантка говорила, что она поддержит любого рода реформы так называемой демократии, чтобы не нужно было стоять в очередях. В то же время для этих женщин навыки ведения домохозяйства и использование отношений блага—знакомств оказались важнейшим гендерным ресурсом в условиях экономических трансформаций.

Еще одним результатом, который достигался через систему *блага—доставания*, было обеспечение соответствующей внешности женщины. Идея *выглядеть женственной* появляется в официальном дискурсе в 1930-х годах и широко распространяется в 1970-е годы; в советском кинематографе и литературных произведениях становится популярной *романтизированная женственность*. Романтический дискурс выступает одним из базовых культурных дискурсов, а влюбленная, страдающая и жертвующая собой женщина — в качестве героини позднесоветского времени. Нарративы о сексуальной жизни становятся рассказами о любви и дружбе, которые поддерживаются официальными идеями о любви как основе брака, но одновременно приходят в противоречие с «репрессированной сексуальностью».

Репрезентация женственности с оттенком сексуальности превращалась в своего рода индивидуальное сопротивление. «Интенсивное занятие внешностью (читай: буржуазная женственность), приобретение дефицитной косметики и стильной одежды означало личную победу над навязанными государством нормами о потребительских предпочтениях» (Holmgren 1995: 22). В интерпретации женственности подчеркивалась умеренность; женщине постоянно давали понять, что надо применять косметику, но следует избегать излишеств (Vainshtein 1996); образцом женского поведения была *скромность* (Зеликова 2002; Liljeström 1993: 169). Сексуальность и телесность в основном оставались за пределами репрезентации, однако именно в этот период происходит *замалчиваемая сексуальная революция*, что позволяет назвать сексуальность этого времени *лицемерной* (Zdravomyslova 2001).

Нелегитимные гендерные контракты

Под нелегитимным (альтернативным) контрактом мы понимаем гендерные нормы и практики, которые подверга-

лись репрессиям, были скрытыми и/или криминальными. Сексуальность и в особенности *сексуальные отклонения* составляли центральный компонент нелегитимного контракта. Его альтернативность проявлялась в запрещенных и/или закрытых сообществах заключенных, проституток, гомосексуалистов. Несмотря на все различия, которые существовали между этими сообществами, гендерные взаимоотношения в них трактовались и осуществлялись согласно определенным дискурсам и нормам, противоположным официальным или независимым от них. Противоположным полюсом официального гендерного контракта являлись репрессированные и криминализованные «социальные проблемы». Само существование этих явлений отрицалось, они криминализировались и/или медикализировались, их обсуждение проходило только в профессиональных дискурсах или в виде критики проблем (пережитков, тлетворного влияния) западной капиталистической системы.

Гендерные контракты запрещенных или закрытых сообществ включают то, что М. Брильд (Bruld 1995) назвала *чуждой* стороной советской действительности: это явления, воспринимаемые как неестественные, нечистые, иррациональные, хаотические и угрожающие телесной сексуальностью. Они охватывали обширные сферы: жизнь в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и в армии, а также проституцию, порнографию, изнасилования, гомосексуализм. В повседневной жизни нелегитимный контракт касался всякой неконтролируемой сексуальной жизни, не связанной с воспроизводством. Добрачные и внебрачные сексуальные связи, сексуальные отношения на отдыхе и в командировках, получившие широкое распространение в позднесоветское время, «балансируют» между теневыми и нелегитимными правилами гендерного поведения (Темкина 2002, 2003; Rotkirch 2000). О позднесоветских образцах сексуального поведения рассказывает женщина с высшим гуманитарным образованием (39 лет): «Я могла склеить на улице — не знаю, что от меня такое исходило, — тут же партнера и тут же улечься с ним в постель... У меня каждый день был новый или два раза в день новый». Такие рассказы достаточно распространены в автобиографиях представителей этого поколения (Темкина 2002).

Наиболее яркими формами нелегитимных контрактов являлись гомосексуализм и проституция. В 1936 году мужской

гомосексуализм был запрещен, и согласно статье 121 Уголовного кодекса Российской Федерации за него наказывали лишением свободы сроком до пяти лет (см.: Кон 1998, 2005; Кон 1995). Лесбиянство и бисексуализм уголовному преследованию не подлежали, поскольку считались в СССР несуществующими; они находились за пределами публично выражаемых символических форм советской эпохи, за исключением частушек и анекдотов. Только с наступлением периода перестройки стало возможным публично рассказывать о подобном опыте. При этом женственность лесбиянок в тюрьмах и психиатрических больницах (Zhuk 1994: 148—151; см. также: Кон 1995: 220—221) сильно отличалась от женственности *счастливой советской матери*.

О существовании проституции, напротив, было хорошо известно, несмотря на то что до середины 1980-х годов она официально не признавалась. С 1930-х годов о ней не имелось официальных данных (Гишинский 1991: 108); утверждалось, что в Советском Союзе проституция ликвидирована как социальный феномен, хотя, как утверждали в 1960-е годы юристы, «отдельные особы вступают в половую связь за плату» (цит. по: Голосенко, Голод 1998: 90; см.: Лебина 1999). После наступления гласности образ проститутки становится распространенным и популярным. Кинофильм «Интердевочка» в начале перестройки показал историю валютной проститутки 1980-х годов, обаятельной, богатой, реализовавшей позднесоветскую мечту отъезда на Запад (см.: Leontieva 2001). Для российских зрителей стиль жизни интердевочки стал захватывающим и презируемым одновременно (Кон 1995: 223). Сексуализированная женственность и потребительское поведение проститутки демонстрировали образцы гендерных норм, противоположных официальным. Схематично эти контракты могут быть представлены следующим образом.

Гендерные контракты постсоветского периода

С конца 1980-х годов происходит реконфигурация официальных, повседневных и нелегитимных правил советского времени. Несмотря на структурные изменения и возникновение новых практик, более устойчивыми оказываются правила организации жизни, восходящие к советским гендерным контрактам. На символическую доминацию претендуют роли, которые

Таблица 1. Советские гендерные контракты

Контракт	Статус гендерных отношений и практик	Сферы действия контракта	Гендерные роли
Официальный («работающая мать»)	Признанный, официально артикулируемый; регулируется правилами, устанавливаемыми государством	Официальное законодательство, политика, идеология, социальные институты	Мужская и женская роли – равное участие в общественном производстве, общественная активность; женская роль – осуществление материнства как гражданская обязанность
Повседневный	Регулируется неформальными правилами, частично выражен в доминирующих культурных дискурсах	Повседневные взаимодействия в приватной и публичной сферах, в социальных сетях; социальное воспроизводство в семье	Использование традиционных гендерных ресурсов мужчинами и женщинами; женская роль – материнство, забота, обслуживание
Нелегитимный	Морально и юридически наказуемый, регулируется санкциями и/или правилами закрытых сообществ	Криминальная сфера, закрытые сообщества	Сексуальные роли, не связанные с воспроизводством

ранее были скрыты в повседневных и нелегитимных контрактах. Ценности и стиль жизни западного типа воспринимаются в большей степени, если они соответствуют идеалам позднесоветского времени. В частности, *женщина цивилизованного (западного) мира* предстает в качестве (буржуазной) домохозяйки, которую обеспечивает муж. Этот образ коррелирует с советскими ценностями семьи-дома, потребительскими образцами, стабильностью и с ностальгией по *настоящим мужчинам*

(Здравомыслова, Темкина 2002а). Напротив, контракт «гендерное равенство» и образ женщины-феминистки получают в основном негативные коннотации с последствиями эмансипации советского времени (Lindquist 1994).

Базовый советский контракт «работающая мать» стал основанием для формирования по крайней мере трех современных контрактов: «работающая мать», «карьерноориентированная (профессиональная) женщина» и «(мать-) домохозяйка»³⁰. Правила повседневного (теневого) контракта, охватывающие неформальные социальные сети и потребление, артикулируются во всех новых контрактах. Сексуальность, ранее ограниченная закрытыми сообществами, становится важнейшим компонентом формирующихся контрактов.

Обязательное участие в общественном производстве сменилось экономической необходимостью обеспечения семьи, что потребовало от женщины активизации роли работницы как в случае *одинокого материнства*, так и в случае *семьи, состоящей из двух добытчиков*. Контракт включает материнство, но акцент делается на работе (заработке). Ослабление системы государственной поддержки привело к мобилизации социальных сетей и родственников, обслуживающих домохозяйство и осуществляющих уход за детьми, в то время когда женщина ищет разнообразные источники заработков. Контракт «работающая мать» остается контрактом, «заключенным» внутри расширенной семьи и социальных сетей. Мужчина в таких контрактах часто маргинализируется (как это показала, например, С. Ярошенко в исследовании, посвященном бедным семьям — Ярошенко 2002).

Другим вариантом трансформации роли работника является контракт «женщина-профессионал». В этом случае обязанность женщины обслуживать семью не препятствует карьере. Организация домохозяйства и воспитание детей становятся предметом переговоров с родственниками и наемными работ-

---

³⁰ Эта тенденция подтверждена в исследовании российской семьи, проведенном О. Здравомысловой и М. Арутюнян: «Оба эти персонажа — профессионально ориентированная женщина и домашняя хозяйка — рождаются из компромиссной фигуры “работающей жены и матери”, которая с большим трудом справляется с меняющейся на глазах жизнью» (Здравомыслова, Арутюнян 1998: 95).

никами (преимущественно с женщинами), а также включает использование платных институтов здравоохранения и образования. При этом организация домохозяйства остается женской обязанностью.

Третий вариант реконфигурации контракта «работающая мать» — превращение его в контракт «домохозяйка». В этом случае неработающую женщину обеспечивает муж, выполняющий роль добытчика. Обслуживание, материнство и забота формируют ядро женской идентичности. Кроме того, в это ядро включается *сексуальная привлекательность*, которая ранее в значительной степени находилась в сфере теневого и нелегитимных контрактов.

Бывшие нелегитимные контракты становятся легитимными, хотя и морально неодобряемыми. Проституция, порнография и гомосексуализм получают репрезентацию в публичном дискурсе³¹. Рыночные механизмы превратили сексуальность и потребление в предмет торга и обмена, что находит выражение в «спонсорском контракте». Два предыдущих контракта предполагают, что мужчина становится доминирующим агентом и обладает властными и материальными ресурсами поддержки материнства/женской сексуальной привлекательности. В первых двух контрактах основными агентами являются женщины-матери, родственники, социальные сети и наемные работники, и только иногда — мужчины.

Анализ данных тенденций позволяет проследить основные изменения советского контракта «работающая мать», а также возникновение новых прототипов контрактов, характерных для семей среднего и высшего класса (см. Таблицу 2). При этом доминирующим остается контракт «работающая мать», который предполагает, что женщина имеет автономный заработок. Далее мы рассмотрим этот вариант более подробно на примере истории Наташи. В некоторых случаях этот контракт трансформируется в контракт «женщина-профессионал», в других случаях (в группах, депривированных по возрасту, наличию большого числа детей, состоянию здоровья, месту проживания и т. д.) сохраняются пассивные стратегии приспособления к

---

³¹ Изменения в нелегитимном контракте требуют дальнейшего изучения и здесь описываются лишь в самых общих чертах.

рыночным условиям, включающие безработицу и — при наличии работающего мужа — вынужденный переход к роли домохозяйки.

Второй и третий случаи (Татьяна и Виктория) представляют варианты трансформации контракта «работающая мать» в контракты «женщина-профессионал» и «домохозяйка» соответственно. В случае Татьяны в числе прочего значимыми являются ориентация на карьеру в публичной сфере и использование ресурсов мужа-бизнесмена; в случае Виктории контракт находится под влиянием ценностей потребительской культуры и женской привлекательности. Виктория при этом с трудом отказывается от образа работающей женщины и рассказывает о своей жизни как о драматической, хотя и оправданной, ломке стереотипов.

Во всех трех случаях женщины среднего возраста, принадлежащие к поколению 30–40-летних, рассказывают об организации своей семейной жизни позднесоветского времени, типичной для контракта «работающая мать», и затем — об изменениях, затрагивающих сферу работы и организации семейной жизни.

Наконец, мы описываем еще один случай (Дарья) — «спонсорский контракт», в котором артикулируются идеалы теневого и альтернативного контрактов. Женщина находится на содержании мужчины («спонсируется»), исполняет единственную роль — сексуальную, имеет сексуальный образ и ориентируется на ценности потребления. Этот образ во многом является противоположным советскому идеалу: для женской идентичности не значимы ни работа, ни материнство.

Таблица 2. Гендерные контракты в 1990-е годы.

Контракт	Гендерные роли
«Работающая мать»	Обязанность обеспечивать семью
«Женщина-профессионал»	Ответственность за обслуживание не препятствует карьере
«Женщина-домохозяйка и муж-кормилец»	Женская роль — обслуживание, материнство, забота; мужская роль — добытчик
Спонсорский	Женская роль — сексуальность, привлекательность; мужская роль — материальное обеспечение

Отметим, что данные контракты демонстрируют преемственность и разрывы гендерного порядка, однако не исчерпывают все варианты изменений³².

Случай 1. Контракт «работающая мать»³³

Наташа — разведенная женщина 40 лет, с двумя детьми подросткового возраста, по специальности инженер, в середине 1990-х годов продолжает работать инженером на государственном предприятии и бухгалтером в двух небольших частных фирмах. Соотношение зарплат от трех работ составляет приблизительно 20, 40 и 40 %. Свою профессиональную деятельность она описывает следующим образом: «Я все время работаю, и у меня нет времени ни о чем другом думать. У меня действительно нет времени для чего-нибудь кроме работы. Я хожу в банк четыре раза в неделю, два раза в налоговую инспекцию и делаю уйму бухгалтерской работы. У меня совершенно нет времени на детей и на моего любовника. Конечно, мне не хватает денег, мать считает, что пора делать ремонт, дети просят денег на поездки — скоро каникулы, но мне это не потянуть. Гораздо больше мне хочется что-нибудь сделать самой, мне очень нужен отдых».

Десять лет тому назад Наташа была занята в основном своими детьми. Ее работа не требовала особых усилий, и даже без алиментов от бывшего мужа она могла поддерживать свой образ жизни благодаря бесплатному государственному обслуживанию. Про работу советского времени она рассказывает: «На работе вязали, читали, стояли в очередях за дефицитом в местных командировках и в обед. С детьми были родители, и часто я на больничном — как только они чихнут, да и реально они

---

³² Еще одним прототипом контракта выступает, например, религиозная или религиозно-патриотическая семья, жизнь которой описана в статье Линдквист (Lindquist 1994). Этот тип формируется на пересечении контрактов «работающая мать» и «домохозяйка». Другие, противоположные, варианты — «двухкарьерная семья» эгалитарного типа или осознанное предпочтение карьеры материнству — близки к контракту «женщина-профессионал».

³³ Этот и все последующие случаи описываются на основе четырех рассказов о жизни, полученных в наших исследованиях. Иногда мы иллюстрируем рассуждения фрагментами из аналогичных рассказов других информантов.

болели много. Потом сын ходил в детский сад, но тоже болел. Дома было много дел, а больничный платили 100 %».

Наташа рассказывает, что много работать и искать дополнительные заработки она стала из-за острых экономических проблем начала 1990-х годов, связанных с сокращением оплаты труда, получаемой на государственном предприятии. В течение двух лет ее положение было настолько тяжелым, что не хватало денег даже на покупку достаточного количества продуктов: «Были заготовки с дачи, шила и вязала для подруг и за деньги». В настоящее время с бедностью покончено. Наташа оплачивает дополнительные школьные уроки и другие внешкольные занятия детей (некоторые остаются бесплатными), частных (всегда знакомых) докторов, экскурсии и поездки. Она довольна своей жизнью, ее самооценка стала намного выше, чем раньше. У нее не хватает денег, чтобы послать своих детей за границу, но сама она путешествовала по Европе. В ее квартире имеется новый телевизор, видео, музыкальный центр, микроволновая печь и новая стиральная машина. Наташа покупает детям билеты в театры и музеи, а также оплачивает их занятия в плавательном бассейне и на языковых курсах.

Бюджет времени изменился: у нее самой нет досугового времени, хотя раньше она регулярно посещала театры и музеи. Сейчас она больше интересуется своей работой: ходит на семинары по повышению квалификации, принимает участие в выработке стратегии предприятия. У нее практически не остается времени для общения с детьми, которые частично находятся под присмотром ее родителей, а частично предоставлены сами себе. Ее бывший муж, инженер по профессии, выплачивает алименты, но сумма не составляет значительной части бюджета семьи. Наташины родители — пенсионеры — много занимаются Наташиными бытовыми делами (хотя она живет отдельно от них), на которые у нее не остается времени, а иногда помогают ей решать некоторые деловые проблемы.

Итак, в данном контракте женщина ответственна за материальное обеспечение семьи (иногда совместно с мужем или другими родственниками). Ответственность за ведение домохозяйства разделяется между женщиной, родственниками и социальными сетями. Государственная поддержка оказывается незначительной, если доходы хотя бы незначительно превышают минимальные. Этот новый гендерный контракт можно назвать также контрактом «добытчица». Советский контракт навязыв-

вался и поддерживался государством, в настоящее время семья может рассчитывать в основном на себя. Материнство теряет и символический статус. Контракт «работающая мать» продолжает характеризоваться экономической независимостью женщины. Когда главным добытчиком становится муж, то женщина продолжает исполнять роль *работающей матери*. В зависимости от уровня доходов и других условий в дальнейшем она может стать или *женщиной-профессионалом*, или *домашней хозяйкой*.

Случай 2. Контракт «женщина-профессионал»

Татьяна, около 40 лет, занимается бизнесом, замужем за бизнесменом, их дочери 15 лет. Училась на вечернем отделении технического института, по окончании осталась там работать инженером, там же встретила с будущим мужем, своим ровесником. После рождения дочери в течение трех лет находилась в отпуске по уходу за ребенком, затем устроилась на работу, которая позволяла ей больше времени проводить с дочерью и не отдавать ее в детский сад: «Я взяла на себя еще какие-то дополнительные нагрузки, вроде там раздавать заказы продуктовые, еще какая-то чушь, но все это ради того, чтобы я могла сделать это дело и уйти домой. Все было подчинено ребенку».

До перестройки у семьи были материальные проблемы, особенно в период отпуска Татьяны по уходу за ребенком. Муж, всегда много работавший, зарабатывал 140 рублей. С 1987 года он начал заниматься бизнесом. Сознательное подчинение своей жизни уходу за ребенком превратилось для Татьяны в пытку: «Я буквально лезла на стены от одиночества, потому что для меня эти годы, которые я провела с ребенком, были просто пыткой. Потому что бабушка с дедушкой — это был праздник, иногда выходной». В 1988 году Татьяна сама занялась бизнесом, сначала на фабрике одежды, совместно с мужем, а потом самостоятельно. Она получила второе высшее образование, в настоящее время владеет небольшой финансовой фирмой.

Организация домашнего хозяйства требует от Татьяны специальных усилий; она часто, пока ребенок не вырос, прибегала к помощи соседей, няни, матери, образовательных учреждений: «Ребенок был тогда во втором-третьем классе, но это было ужасно, буквально до того, что соседи забирали ребенка из школы,

кому-то платила. Приходила домой, конечно, поздно; ребенок болтался по продленкам; конечно, ничего хорошего».

Практически все время Татьяны заполнено работой, в ее планы на будущее входит расширение бизнеса и обеспечение ребенку обучения на Западе. Татьяна часто бывает в деловых поездках за границей, иногда ее сопровождает дочь. У нее есть «свой» массажист, парикмахер; квартиру, оснащенную согласно «евростандарту», убирает нанятая женщина. Татьяна сама ведет домашнее хозяйство, что не занимает много времени, поскольку в ее распоряжении есть машина с шофером и она имеет возможность покупать все продукты в дорогом супермаркете, а одежду — за границей. Она говорит, что не желает вмешательства мужа в вопросы ведения домашнего хозяйства, и он сам не имеет такой возможности: «У меня совершенно уникальный муж, который по восемнадцать часов в сутки занят тем, чем он занят, то есть своей работой... Я стараюсь ему не создавать проблем...»

Этот случай демонстрирует преемственность и разрывы с предшествующим советским контрактом. Татьянины интересы сместились с семьи на управленческую работу в фирме (для создания которой первоначально был задействован семейный ресурс — т. е. бизнес, организованный мужем), но это не оказало влияния ни на разделение семейных ролей между супругами, ни на мнение супруги о надлежащих ролях. Татьяна ведет домашнее хозяйство и заботится о дочери, в интервью не упоминалась отцовская роль мужа³⁴. Татьяна считает такое положение дел естественным, поскольку муж очень много работает, хотя это касается в равной мере и самой Татьяны.

В данном случае контракт «женщина-профессионал» имеет сходство с контрактом «работающая мать». Тип отношений между мужем и женой характеризуется профессиональным равноправием и сохранившимся традиционным разделением

---

³⁴ На основе исследования «Влияние реформ на качество супружеских отношений», проведенного в 1996 году, М. Малышева делает вывод о том, что отцовство, если его рассматривать с точки зрения временных затрат на воспитание ребенка, сохраняет символический характер. Как правило, мужчины занимают комплиментарные позиции в воспитании детей, оставляя женщинам основное бремя ухода за детьми (Малышева 2001: 262–268, 275).

семейных ролей, несмотря на сократившееся время на домашнюю работу и его реорганизацию с привлечением наемных работников. Гендерные стратегии и ресурсы советской повседневности — социальные сети, навыки устройства домохозяйства — задействуются при изменении положения женщины в профессиональной сфере, не оказывая давления на переопределение гендерных ролей. Используются и рыночные механизмы, которые, даже в случае обеспеченных семей, занимают периферийное место в домохозяйстве и не влияют на перераспределение ролей.

Ни один из этих контрактов в 1990-е годы не являлся идеологически доминирующим в современной России, хотя успешные женщины репрезентированы в СМИ, есть известные фигуры среди журналистов, политиков. В дальнейшем имидж молодой профессиональной женщины стал более выраженным. Следующие случаи, олицетворяющие традиционную интерпретацию женственности, претендуют на гегемонию в медиадискурсе.

Случай 3. Контракт «домохозяйка-кормилец»

Виктории около 35 лет, замужем за бизнесменом, мать четырехлетнего сына, домохозяйка. Имеет диплом математика, работала инженером в научно-исследовательском институте. Когда родился ребенок, она осталась с ним дома. В том же году в месте ее работы произошли кадровые сокращения. Примерно в то же время муж занялся бизнесом в секторе сбыта, который быстро стал прибыльным, и Виктория ушла с работы совсем. Сначала она трудилась в фирме мужа, ее мать помогала ухаживать за ребенком. Потом, через полгода, она оставила работу, мать вернулась домой, в другой город. В настоящее время Виктория занята ведением домашнего хозяйства и уходом за ребенком: «Я нормально отношусь к хозяйству: я готовить люблю, пироги печь, вязать... Поскольку я не работаю, мне даже стыдно — у меня как бы таких проблем нет... Муж у меня дома практически не бывает, он дома ничего не помогает; мне как бы и грех помогать — я не работаю».

Виктория сравнивает свое нынешнее положение с тем временем, когда они вместе с мужем работали инженерами и делали всю домашнюю работу вместе. Когда она осталась дома с ребенком, то стала выполнять всю домашнюю работу одна.

Виктория рассказывает об изменениях в своей жизни и о своем отношении к ним: «Мы с мужем вместе раньше работали — у нас были общие деньги, мы вместе решали, куда что потратить... Теперь я не знаю, сколько он у меня зарабатывает, я в этом вопросе не хозяйка... Это было жутко пережить. Он сам распоряжается своим временем, говорит: мне надо, у меня дела. Все это брошено на меня, т. е. я не могу собой располагать вообще, я обязана быть с ребенком, т. е. собой не владею. И при этом я сразу резко попала в такую ситуацию — я мужу должна, как нормальная женщина, создавать условия, чтобы он работал, продвигался... Мне пришлось столько в себе переломать, очень тяжелый процесс... Я стала мужу завидовать: он везде бывает, заключает договора, ведет какую-то деятельность, а у меня ничего этого нет. ...А потом я перековалась».

Этот случай демонстрирует разрыв нового контракта с предшествующим, переход от эгалитарных семейных ролей к их поляризации. Женщина радикально изменила свою роль, идентичность и статус; из *работающей матери* она превратилась в *домохозяйку*, в зону компетенции которой входят исключительно домашняя работа и уход за ребенком. Как нам рассказывает Виктория, это изменение было психологически тяжелым, требовало рефлексивной переоценки ценностей, однако она оценивает его как неизбежное. Изменился и семейный стиль жизни, который ориентирован на престижное потребление, включающее «евростандарт», наличие дорогой машины, заграничные путешествия и модную дорогую одежду.

Случай 4. Спонсорский контракт (женщина на содержании)

Дарья — 30-летняя женщина, разведена девять лет тому назад и живет вместе с матерью и 11-летним сыном в дорогом пригороде Москвы. Многосторонне одаренная, она училась в престижном музыкальном учебном заведении, но бросила учебу, решив попробовать другие возможности. Сначала Дарья училась в одном из новых элитных университетов на гуманитарном факультете. Как одна из лучших студенток (из небольшого числа девушек на ее курсе) она хотела по окончании получить должность преподавателя. Однако ей предложили лишь административную работу, от которой она отказалась. Затем работала секретарем в нескольких торговых фирмах, в насто-

ящее время иногда пишет статьи о музыке для новых городских журналов.

Два года тому назад Дарья встретила с Андреем — директором одной из фирм, где она работала; с тех пор между ними существуют любовные отношения. Андрей женат, у него двое маленьких детей. Он оплачивает жилье и расходы Дарьи, иногда берет ее с собой в заграничные поездки: «Он возил меня на Багамы, Бермуды, в Таиланд и Саудовскую Аравию. Я помогаю ему, например, выбирать кожаную одежду, у него совсем нет вкуса».

Дарье нравится одеваться дорого и экстравагантно, материальные расходы любовника оцениваются как совершенно естественные. Она рассказывает про свою подругу: «Я бы не могла ничего не делать, как Марина, которая сидит и ждет, пока Вася (преуспевающий бизнесмен) на ней женится. Но вы бы видели, какую он ей подарил машину на прошлой неделе, бог мой! Но я бы никогда не вышла замуж без любви».

В таком гендерном контракте женская сексуальность становится предметом обмена и потребления. Отношения существенным образом зависят от благ, которые могут быть получены. Данный «договор» наиболее отчетливо демонстрирует гендерную асимметрию, когда сексуальная привлекательность является средством получения престижного потребления (Темкина 2002). Это пример либерального подхода, т. е. с позиции мужчины такого рода связи, основанные на спонсировании, оправдываются как *нормальные, естественные*; утверждается, что так *бывает в других цивилизованных странах*. Однако история Дарьи показывает, что сначала она пыталась найти работу, однако после неудачи предпочла освоить роль женщины на содержании.

Символическая значимость данного контракта проявляется в быстром распространении термина «спонсор», под которым подразумевают (кроме обычного значения меценатства) мужчину, обеспечивающего женщину, не будучи женатым на ней (см.: Pilkington 1996). Гендерная установка «он знает, как заработать деньги, она — как их потратить» оказывает большое давление на отношения между полами.

В этом случае ценности привлекательной внешности, сексуальности и высокого уровня жизни приближаются к ранне *нелегитимному* образу проститутки. Мужчина 60 лет (пенсионер,

занимается бизнесом) рассказывает: «У меня есть подруга, но она дорогая. Был такой договор с ней, что я спонсирую ее учебу или же ее жизнь, окажу ей материальную поддержку. Когда деньги кончатся — связь прервется. Содержание женщины — это тоже вид проституции... Должно быть, нормально, что женщина принимает мужчину как мужчину, как своего друга, любовника, партнера, мужа, а не как человека — покупателя товара».

Женственность, не связанная с материнством, не соответствовала советским образцам; она стала альтернативной советскому гендерному порядку, стилю жизни родителей и контракту «работающая мать». Позиция *спонсируемой* женщины неприемлема для представительниц средних и старших поколений, но именно этот образ в разных вариантах претендует в настоящее время на гегемонию.

Итак, советский гендерный порядок рассматривается нами как совокупность и взаимодействие официального (легитимного), повседневного (теневого) и нелегитимного (альтернативного) контрактов. Официальный контракт «работающая мать» формировался социалистическим государством и определял обязанности российской женщины как гражданки, работницы и матери. Он выступал той рамкой, к которой женщины и мужчины приспосабливали свои практики повседневности. Нелегитимные правила, караемые законом и осуждаемые моралью, воспроизводились в закрытых сообществах, однако некоторые из этих правил распространились и за их пределы, например в процессе либерализации сексуального поведения в 1970-е годы (Кон 2005; Rotkirch 2000).

Реконфигурация данных контрактов стала основой формирования постсоветского гендерного порядка. Современные изменения гендерных отношений не являются следствием целенаправленной гендерной политики государства и политических дебатов; напротив, они — результат стихийной адаптации к изменяющимся экономическим условиям и выработки стратегий разными группами. В доминирующем контракте сохраняются основные гендерные роли, однако меняется их соотношение в сторону *работающей матери*. На основе ранее существовавших, но неартикулированных, или частично артикулированных, правил и образцов поведения появились новые прототипы контрактов: «карьерно-ориентированная женщина», «мать-домохозяйка» и «женщина на содержании». Те-

новые образцы потребления и либеральной сексуальности сформировали идеологию домохозяйки, а также ее более современную версию — идеологию спонсируемой женщины.

Описанные нами гендерные контракты не являются жестко фиксированными или исключаящими друг друга; напротив, они меняются на разных этапах жизненного цикла, особенно в период быстрых социальных изменений. Можно предположить, что контракт «работающая мать» стабилизируется в семьях с низким доходом; в таких семьях происходит маргинализация мужчин, не способных обеспечивать семью (см.: Здравомыслова О. 2001: 484—485; Ярошенко 2002; Ashwin 2000). В высших классах чаще встречается контракт «жена-домохозяйка и муж-кормилец», хотя в некоторых рабочих средах он тоже распространен; в этом случае контракт переопределяется как «работающая мать» или «домохозяйка». Успешная в профессии женщина с позиции *работающей матери* может перейти на позицию *карьерно ориентированной женщины*, для которой на первом плане оказываются интересы профессиональной самореализации.

Гендерный порядок в современной России имеет высокую степень преемственности по отношению к советскому гендерному порядку. Однако подвижность контрактов, разрывы между репрезентациями и практиками, наличие разных гендерных идеологий создают неустойчивость гендерных ролей, идентичностей и правил взаимодействия. Анализ преобразований гендерных контрактов подтверждает ранее высказанный нами и многими другими авторами тезис о том, что конкуренция старого и нового гендерных порядков создают ситуацию неопределенности и многовариантности.